

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_30

Пограничные противоречия в районе Великих африканских озер

Д. Тотх

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
19tohdani95@gmail.com

Аннотация.

В данной статье внимание обращено на страны, расположенные в восточной и центральной Африке. Район Великих африканских озер представляет собой сложную сеть политических и экономических взаимодействий, имеющих серьезные последствия для мира, безопасности и управления. Это также регион со взаимосвязанными конфликтами и общими фундаментальными проблемами, вытекающими из постколониальных вызовов государственному и национальному существованию.

Ключевые слова: пограничные конфликты, район Великих африканских озер, этническая принадлежность, политическая власть, этническое противоборство

Для цитирования: Тотх Д. Пограничные противоречия в районе Великих африканских озер // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 3(848). С. 30–35.
 DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_30

Original article

Border Disputes in the African Great Lakes Region

Toth Daniel

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
19tohdani95@gmail.com

Abstract.

The focus of this article is the countries located in eastern and central Africa. The Great Lakes region is a complex web of political and economic interactions with major implications for peace, security and governance. It is also a region with interconnected conflicts and common fundamental problems arising from post-colonial challenges to state and national existence, which will be discussed in this article.

Keywords:

border conflicts, the Great Lakes region, ethnicity, political power, ethnic confrontation.

For citation:

Toth, D. (2022). Border disputes in the African Great Lakes Region. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 30–35. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_30

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье анализируется динамика основных конфликтов в районе Великих африканских озер (РВАО). Обобщаются причины, динамика и последствия конфликтов. Правда, объем статьи не позволяет провести исчерпывающий анализ конфликта в каждой стране. Скорее, цель состоит в том, чтобы предоставить обзор основных причин конфликтов в странах района Великих африканских озер, факторов их поддержания, взаимосвязи и последствий для людей. Можно выделить следующие задачи исследования:

- рассмотреть пограничный узел противоречий;
- определить этническое противоборство как наследие колонизации;
- исследовать национальный вопрос в Демократической Республике Конго и «проблема баньямуленге».

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОГРАНИЧНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В РВАО

Начиная с 1960-х гг., в районе Великих африканских озер периодически происходят конфликты, унесшие миллионы жизней. В Бурунди, Демократической Республике Конго (ДРК) и Руанде многие конфликты глубоко взаимосвязаны и взаимозависимы. А манипулирование идентификацией и стереотипами, конкуренция за доступ к власти и ресурсам часто являлись основными движущими силами противоречий.

Классическая классификация конфликтов на межгосударственные и внутригосударственные в районе Великих африканских озер представляется неприменимой, поскольку они имеют тенденцию к территориальному расширению и смешению их эпицентра из одного локуса в другой. Кроме того, конфликты в районе Великих африканских озер динамичны и сложны, поскольку в них участвуют многочисленные и взаимосвязанные региональные и международные действующие лица.

Однако эти раздоры имеют общие черты, связанные с вопросами управления, разделением идентичности, структурным насилием, эксплуатацией и равным доступом к природным ресурсам, которые заметно присутствуют. На основании имеющихся данных были выбраны следующие методы исследования: анализ, синтез, абстрагирование, системно-структурный подход, восхождение от абстрактного к конкретному.

ПОГРАНИЧНЫЙ УЗЕЛ ПРОТИВОРЕЧИЙ

В Восточной Африке находятся одни из самых больших и глубоких озер в мире. Но многие из них также обозначают границы между странами. Колониальная власть искусственно провела границы между странами (и часто по озерам), что привело к затяжным конфликтам из-за суверенитета и природных ресурсов. В результате сегодня существует более высокий конфликтный потенциал в приграничных регионах. В продолжающемся споре о своих претензиях на землю и ресурсы некоторые государства до сих пор ссылаются на демаркацию колониальной эпохи.

Малави, например, имеет право претендовать на всю северную половину озера Малави на границе с Танзанией в соответствии с соглашением, датированным 1890 г. Однако это отклоняется от другого общепринятого понимания закона, согласно которому границу следует проводить посередине озера. Пока угрозы передать спор в Международный суд не материализовались. Некоторые наблюдатели настаивают на внесудебном урегулировании, однако недавнее обнаружение нефти под озером только еще больше усложнило ситуацию.

Еще одним важным фактором является то, как колонисты провели эти границы. Как правило, они размещали столицу довольно далеко от этих границ. Поэтому возникли проблемы с признанием государственной власти и способности центральных правительств контролировать эти границы и окраины.

В споре о региональной гегемонии пограничный контроль служит демонстрацией силы страны. Это видно из спора о претензиях на остров Мингго на озере Виктория, где угандийские силы закрыли принадлежащий Кении детский сад на том основании, что он не может оставаться открытым без консультации с правительством Уганды. Кстати, обе страны претендуют на остров, а полиция Уганды и Кении в разное время оккупировала остров.

В течение многих десятилетий переплетающиеся вопросы гражданства, прав на землю и этнической принадлежности в сочетании с отсутствием эффективной государственной властью и наличием богатых месторождений полезных ископаемых приводили к нестабильности и вооруженному противостоянию на востоке ДРК, чьи жители тутси были особенно вовлечены в конфликт между «коренным» и «поселенческим» населением. Большая часть боевых действий в Конго 1996–1997 и 1998–2003 годов происходила именно на востоке [Kapuyangara, 2016].

15 ноября 2012 года возобновились ожесточенные бои между вооруженными силами

Демократической Республики Конго (ВСДРК) и отколовшейся группой солдат, известной как «М23». Вооруженные столкновения произошли в нескольких деревнях, главным образом на территории Рутшуру в Северном Киву. Самым серьезным последствием подобных боевых действий является крупномасштабное перемещение населения.

По мере того, как ВСДРК выделяли ресурсы для борьбы с движением «М23», ситуация с безопасностью в других частях провинций Киву быстро ухудшалась. На передовой боевых действий между «М23» и ВСДРК мирные жители оказались в затруднительном положении; многим пришлось покинуть места проживания. Правительство не хочет открывать новые лагеря для ВПЛ, число которых сократилось более чем на треть с 2009 г. Многие из перемещенных лиц живут в плохих условиях во временных лагерях [Court, 2013].

Конго также имеет пограничные противоречия с Угандой. Армия Уганды имеет испорченную репутацию своими вторжениями в ДР Конго в 1990-х и начале 2000-х гг. В 1999 и 2000 гг. вооруженные силы Уганды и Руанды, каждая из которых поддерживала свою фракцию повстанческой группировки КОД, столкнулись в конголезском городе Кисангани.

КОД боролось за свержение тогдашнего президента Лорана Кабилы. В историю это противостояние вошло как Шестидневная война. В ходе нее более 1000 человек были убиты (в июне 2000 г.), когда угандийские и руандийские силы сражались за контроль над городом [Kanyangara, 2016].

Угандийские войска были обвинены в нарушениях прав человека в отношении населения в ходе боевых действий. В частности, что они сексуально эксплуатировали местных женщин. Силы Уганды также обвинялись в разграблении огромных природных ресурсов Демократической Республики Конго. В отчете ООН за 2001 год говорится, что силы из Уганды, а также других соседей разграбили полезные ископаемые, кофе, древесину и домашний скот. В 2005 г. Международный суд постановил, что Уганда должна выплатить reparations ДР Конго за незаконное вторжение. Деньги до сих пор не переданы.

Богатый ресурсами регион десятилетиями привлекал повстанцев. По некоторым данным, там может базироваться не менее 120 различных группировок боевиков. Борьба шла идет не столько за контроль над богатством страны, сколько за политическую власть. Некоторые соседние страны были обвинены в поддержке повстанцев, чтобы извлечь выгоду из хаоса за счет грабежа. Несмотря на то, что президент Феликс Чисекеди объявил так называемое осадное положение, по сути, военное положение, в двух пострадавших провинциях нападения и убийства жителей продолжаются [Court, 2013].

Политический кризис 2015 г. и его последствия привели к серьезной напряженности в отношениях между Бурунди и Руандой, странами глобального севера и НПО. Бурунди имеет общую границу протяженностью 236 км (147 миль) с ДРК (провинция Южное Киву). Граница остается очень прозрачной и важна для незаконного оборота полезных ископаемых, оружия, наркотиков и контрабанды товаров (включая грузовики с топливом, пивом, тканями, поддержанной одеждой, скотом и другими импортными товарами) [Kanyangara, 2016].

На равнине Русизи, единственной сухопутной границе между ДРК и Бурунди, происходили важные межобщинные и внутриобщинные столкновения на стороне границы ДРК. Оттуда действуют многочисленные вооруженные группы различных по численности и виду, в том числе бурундийские повстанцы, которые время от времени совершают вторжения в Бурунди. Бурундийская армия и Имбонеракуре («те, кто далеко видят» на киранди, национальном языке) также реже совершают вторжения в ДРК.

По состоянию на май 2019 г. в районе Великих Африканских озер насчитывалось около 347 100 бурундийских беженцев, из которых более 45 тыс. находились в ДРК, а в Бурунди – более 78 тыс. конголезских беженцев. Передвижение беженцев часто бывает довольно изменчивым, поскольку они «неофициально» посещают страну своего происхождения, а их навещают друзья и родственники, оставшиеся дома [Ngwu ,2019].

На сегодняшний день добровольная депатриация бурундийских беженцев была относительно ограниченной, но давление со стороны бурундийских, танзанийских, угандийских и конголезских властей может вызвать массовые перемещения обратно в Бурунди или в альтернативные страны убежища, такие как Руанда или Уганда.

ЭТНИЧЕСКОЕ ПРОТИВОБОРСТВО КАК НАСЛЕДИЕ КОЛОНИЗАЦИИ

Причины и динамика конфликта в районе Великих африканских озер многочисленны и сложны. Это и неравный доступ к государственным и природным ресурсам, и отсутствие равных возможностей для доступа к политической власти, и распространение стрелкового оружия. Вот лишь некоторые из факторов, на которых поддерживается конфликт в регионе. Часто эти проблемы лежат в основе фактического или предполагаемого неравенства и недовольства между идентичностями, что может привести, среди прочего, к насилиственному выражению этих недовольств [Сидорова, 2019].

Эти факторы также связаны со структурными проблемами государственной власти управления и неэффективного управления экономикой, такими как безответственный сектор безопасности, долговое бремя, непопулярная макроэкономическая политика, коллапс социальных услуг и плохие условия торговли. В этом разделе основное внимание будет уделено основным причинам, вызывающим конфликт в стране, что, в свою очередь приводит к региональным последствиям, таким как этнические разногласия, отсутствие доступа к земле и природным ресурсам, а также проблемы демократии и управления [Kanyangara, 2016].

В существующей литературе о конфликтах в районе Великих африканских озер этническая составляющая признается едва ли не главным фактором разногласий в этих странах. Однако следует отметить, что само по себе наличие различных этнических групп в той или иной стране недостаточно для того, чтобы спровоцировать конфликт. Поэтому полигетнические общества могут процветать за счет своего разнообразия. Как таковая этническая неоднородность не порождает войн, а ее отсутствие не обеспечивает мира.

Тем не менее в отличие от других стран и регионов, конфликты в Бурунди, Руанде, ДРК и Уганде были мотивированы не идеологией, а, как правило, способностью политических лидеров возбуждать этническую вражду в своих целях. Чтобы понять региональное измерение этнической принадлежности в районе Великих африканских озер, нужно сначала понять, что этническое распределение хуту и тутси не ограничивается только этой местностью. Более двух миллионов хуту и тутси проживают за пределами Руанды и Бурунди в соседних государствах. Некоторые «проследживают» свою родословную до провинции Северное Киву ДРК (баньярванда) или провинции Южное Киву (баньамуленге) [Ngwu, 2019].

Так, можно отметить растущий дефицит земли и геноцид в Руанде в 1994 г. Причины геноцида 1994 г. в Руанде многообразны и вызывают споры. Признавая важность таких факторов, как колониальное наследие, экономический спад, политика структурной перестройки, внутренняя оппозиция правительству и отстранение международного сообщества, существует множество источников, в которых подчеркивается роль растущего дефицита земли в усугублении межэтническая напряженность в Руанде. Вместе с тем стоит признать, что с 1994 г. правительство Руанды добилось значительного прогресса в области безопасности и человеческого развития.

Причины геноцида 1994 г. многообразны и вызывают споры. В большинстве отчетов

подчеркивается непреодолимый антагонизм между хуту и тутси, унаследованный от колониального прошлого Руанды. Тем не менее несмотря на признание важности таких факторов, как экономический спад, политика структурной перестройки, внутренняя оппозиция правительству и отстранение международного сообщества, существует множество публикаций, в которых подчеркивается усугубляющая роль растущего дефицита земли и неравенства в сельских районах в Руанде.

Исторически Руанда сталкивалась с множеством проблем, связанных с нехваткой земли. Когда начался геноцид, Руанда была самой густонаселенной неостровной страной Африки, где плотность населения достигала 843 человека на квадратный километр в некоторых сельских районах. Более 90 % населения полагалось на мелкое земледелие, а темпы роста населения превысили 3 %. Нехватка земли усугублялась ее неравным распределением в пользу политической элиты, а также сельских родственников. Подсчитано, что до геноцида 43 % малообеспеченных семей владели лишь 15 % обрабатываемой земли, в то время как 16 % богатых семей владели 43 % обрабатываемой земли.

Геноцид 1994 г. произошел в уникальном контексте, обусловленном экономическими трудностями, политическими разногласиями и социальными расколами, уходящим корнями в колониальный период. Потеря средств к существованию и бедность в сельской местности усугубили существующую напряженность и могли быть использованы правительством для разжигания насилия против тутси. Нынешнее правительство признает важность этих вопросов и сочетает программы справедливости и примирения с амбициозными сельскохозяйственными реформами.

Стоит также заметить, что набеги на домашний скот и конкуренция за воду и пастища приводят к циклам взаимного насилия между группами скотоводов в кенийско-угандийском пограничном районе. Более частые и сильные засухи, а также распространение оружия из соседних стран еще больше усугубляют конфликтную ситуацию.

Еще раз повторим, доступность современного оружия, постепенная эрозия традиционных институтов смягчения конфликтов, отсутствие адекватной государственной защиты, а также частые засухи и общая уязвимость скотоводческих общин являются одними из основных факторов, способствующих межобщинным конфликтам в «кластере Карамоджа» [Сидорова, 2011].

Правительство Кении, как, впрочем, и Уганды, а также многочисленные неправительственные организации, церковные организации и местные инициативные группы принимают участие

в различных стратегиях по сдерживанию насилия на кенийско-угандийской границе. Тем не менее эффективность этих мер была поставлена под сомнение, а страх перед нападениями со стороны групп из-за границы по-прежнему беспокоит местные общины. В частности, прогнозируемое увеличение частоты засух в ближайшие годы может привести к новой вспышке трансграничного насилия.

Таким образом, как только в Руанде, Бурунди, Уганде или на востоке ДРК вспыхивает конфликт с этническим фактором, политикам и другим элитам, имеющим прямые интересы, очень легко манипулировать и использовать эти этнические связи для создания союзов, независимо от границ трех страны.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ДР КОНГО И «ПРОБЛЕМА БАНЬЯМУЛЕНГЕ»

В восточной части ДРК на протяжении десятилетий было мало периодов мира. Сегодня очаг насилия находится в Северном и Южном Киву и Итури. В Южном Киву насилие против баньямуленге перешло в новую фазу с середины 2017 г., когда экономическая война и осада были добавлены к арсеналу того, что кажется долгосрочным планом полного уничтожения этого народа в ДРК [Mulindwa, 2020].

Гражданские лица баньямуленге неоднократно становились жертвами нападений, совершаемых местными и иностранными вооруженными формированиями, иногда поддерживаемыми национальной армией (ВСДРК). С 2017 по 2021 год более трехсот деревень баньямуленге были обращены в пепел, их жители чудом спасались бегством от насилия. В то время как земля и скот когда-то обеспечивали баньямуленге достойную жизнь, теперь оба источника дохода уничтожены.

Насилие не имеет какой-то одной причины. В сложной обстановке ожесточенных конфликтов на востоке ДРК целенаправленные убийства баньямуленге основываются на утверждении, что они являются «руандийскими захватчиками», которых следует уничтожить. В настоящее время под руководством государства предпринимаются усилия по прекращению боевых действий как в Итури, так и в Северном Киву, где правительство объявило «чрезвычайное положение», но не в Южном Киву. Конголезское правительство не сделало ничего, чтобы предотвратить эскалацию насилия, которую некоторые авторы определяют как медленный геноцид [Жерлицына, Костелянец, Сидорова, 2018]. В некоторых случаях национальная армия выступала сторонним наблюдателем или даже соучастником насилия со стороны ополченцев,

уничижая деревни и грабя скот. Поскольку ВСДРК в значительной степени являются недееспособной армией, они, похоже, не в состоянии предотвратить массовые зверства и по политическим причинам не заинтересованы в защите гражданских лиц, которых называют «иностранными».

И все же за последние два года район Великих африканских озер добился больших успехов в достижении мира, безопасности и стабильности. Примеры такого прогресса включают:

- плавный переход власти после выборов в Демократической Республике Конго (ДРК) в декабре 2018 года;
- мирные выборы в Бурунди в мае этого года; продолжающийся диалог между основными странами региона, а именно ДРК, Руандой, Угандой и Руандой;
- прогресс в репатриации разоруженных комбатантов на востоке ДРК;
- возобновление интереса к экономическому сотрудничеству и интеграции между странами региона.

Несмотря на успехи, соответствующие осуществлению Рамок мира, безопасности и сотрудничества, для Демократической Республики Конго и региона, остается много проблем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, район Великих африканских озер представляет собой сложную сеть политических и экономических взаимодействий, имеющих серьезные последствия для мира, безопасности и управления. Это также регион со взаимосвязанными конфликтами и общими фундаментальными проблемами, вытекающими из постколониальных вызовов государственному и национальному строительству.

Страны района Великих африканских озер, особенно ДРК, Руанда и Бурунди, частично различаются по своей истории, размаху войн и уровню развития, но у них есть некоторые сходства, которые могут объяснить их взаимосвязанные эндемические насилиственные конфликты. Транснациональные этнические группы и «прозрачные» границы облегчают «взаимное заражение» насилиственно-го конфликта. Например, геноцид в Руанде усилил трансграничные этнические связи между ней, ДРК и региональными повстанческими группами на этнической основе. Это также привело к появлению значительного числа беженцев-«воинов», которые одновременно дестабилизируют Руанду и восточную часть ДРК, которая стала для бурундийских вооруженных групп тыловой базой для нападения на свою страну.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kanyangara P. Conflict in the Great Lakes Region // Accord. 2016. № 1. P.1–20.
2. Court A. The Banyamulenge of South Kivu: The ‘Nationality Question’ // African Studies. 2013, Vol. 72. № 3. P.416–439.
3. Ngwu E. Natural Resources and Conflicts: Towards a Territorial Materialism of Boundary Disputes in East Africa // Central European Journal of International and Security Studies. 2019. Vol. 13. № 2. P. 91–110.
4. Сидорова Г. М. Африканский вектор российской дипломатии // Дипломатическая служба. 2019. Вып. 1. С. 63–69.
5. Сидорова Г. М. Россия и Африка: этапы сотрудничества и перспективы // Мир и политика. 2011. Вып. 2(53). С. 114–122.
6. Mulindwa P. Interstate Border Conflicts and their Effects on Region-Building and Integration of the East African Community // African Journal of Governance and Development. 2020. Vol. 9. № 2. P. 599–618.
7. Жерлицына Н.А., Костелянец С. В., Сидорова Г. М. Угрозы безопасности Африки: современные тенденции. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018.

REFERENCES

1. Kanyangara P. (2016). Conflict in the Great Lakes Region. Accord, 1, 1–20.
2. Court A. (2013). The Banyamulenge of South Kivu: The ‘Nationality Question’. African Studies, 72 (3), 416–439.
3. Ngwu E. (2019). Natural Resources and Conflicts: Towards a Territorial Materialism of Boundary Disputes in East Africa. Central European Journal of International and Security Studies, 13 (2), 91–110.
4. Sidorova, G. (2019). African vector of Russian diplomacy. Diplomatic Service, 1, 63–69. (In Russ.)
5. Sidorova G. (2011). Russia and Africa: Stages of Cooperation and Prospects. Mir i politika. 2(53), 114–122. (In Russ.)
6. Mulindwa P. (2020) Interstate Border Conflicts and their Effects on Region-Building and Integration of the East African Community. African Journal of Governance and Development, 9(2), 599–618
7. Zherlicyna, N., Kostelyanec S., Sidorova G. (2018). Ugrozy bezopasnosti Afriki: sovremennye tendencii = Threats to Africa’s security: current trends. Moscow: FGBOU VO MSLU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тотх Даниел

аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Toth Daniel

Postgraduate Student of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia
of the Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 11.04.2022
одобрена после рецензирования 23.05.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 11.04.2022
approved after reviewing 23.05.2022
accepted for publication 12.07.2022